

Ему предстояло отправляться в Цяньань, тогда как прошлый хозяин этого тела и впрямь «вернулся на родину» предков, покинув этот мир. Цуй Се со вздохом принял пиалу с лекарством, поубивал на него и одним глотком выпил обжигающий отвар. Затем сказал слуге:

— Мне кажется, лицо горит. Принеси-ка зеркало.

Слуга откликнулся и выбежал. Вскоре он вернулся с блестящим бронзовым зеркалом и подал его:

— Зеркало старшего молодого господина уже уложили в багаж, поэтому я одолжил его у сестрицы Мэйчжи.

Ему было всё равно, чьё оно. Небрежно кивнув, он взял зеркало и взглянул на своё отражение.

Отражение выглядело слегка смутным, но всё же удавалось разглядеть, что лицо очень похоже на его собственное: овальное, с фениксовыми глазами и чуть припухлой нижней губой, разве что кончик носа был слегка вздернут, придавая облику излишнюю утончённость. В прошлой жизни он дожил до окончания университета: черты лица уже полностью сформировались, став выразительными и мужественными. Это же тело на вид принадлежало лишь подростку, щеки сохраняли детскую пухлость, а круглый подбородок дышал незрелостью.

Но больше всего внимания привлекало не само лицо, а чёрная сетка-ванцзинь на голове. Изначально ванцзинь была убором даосов, пока в начале эпохи династии Мин император Чжу Юаньчжан не повелел носить её всем — от государя до простолюдина. При династии Цин её уже не использовали. Лишь взглянув на эту сетку, он удостоверился, что попал в династию Мин. Что же до конкретного правления — это ещё предстояло разузнать.

Немного подумав, он спросил слугу у кровати:

— В какой год ты родился и сколько тебе лет?

Слуга, не заподозрив ничего неладного, бойко ответил:

— Я родился в пятый год эпохи Чэнхуа, нынче мне четырнадцать. Я всего на два месяца младше старшего молодого господина.

И этот мальчик, и он сам родились в пятый год эпохи Чэнхуа. У древних возраст отсчитывался с момента рождения, стало быть, сейчас восемнадцатый год эпохи Чэнхуа?

Время правления Минского Сянь-цзуна — Чжу Цзяньшэня?

Чэнхуа, Хунчжи, Чжэндэ, Цзяцзин... Посчитав эти правления, он понял, что период выдался относительно спокойным: катастрофа в Туму времен Чжэнтун и Цзинтай осталась позади, а до смуты Поздней Цзинь в конце династии Мин ещё оставалось несколько десятилетий. За исключением мятежа, который устроит Нин-ван, это время вполне можно назвать эпохой процветания и мира.

Хотя как попаданец он верил в свои силы выжить где угодно, узнав о столь мирном времени, Цуй Се всё же перевёл дух, и напряжение спало. Он вернул зеркало слуге и невзначай спросил:

— Как мы отправимся в Цяньань? И можно ли жить в тамошнем доме?

Сам он успокоился, но слуга совсем помрачнел:

— В доме выделили лишь одну повозку. Отец уже пошёл запрягать. Едем только мы втроём. Книги и лекарства старшего молодого господина нужно взять, да и сундуков захватить несколько... Слышал, старая усадьба стоит пустой целый год, и бог знает, в каком она сейчас виде.

Рассказывая это, он заметил, что Цуй Се опустил глаза и задумался. Опасаясь, что эти речи расстроят хозяина и повредят его здоровью, слуга тут же приободрился и стал его утешать:

— Впрочем, Цяньань находится недалеко от столицы, на повозке ехать всего день-два. А старая усадьба куда больше столичного дома, да и стоит в самом уездном городе, а не в глухомани. Так что учёбе ничто не помешает! Разве столичные ученые не уезжают в монастыри, жалуясь на городской шум? Вернёмся на родину, поучимся пару лет в тишине — получится даже лучше, чем в Гоцзыцзяне.

На самом деле Цуй Се вовсе не тревожился из-за дальности Цяньаня. Разве мог он быть дальше, чем современный мир, отделённый пятью веками? К тому же, будучи попаданцем, держаться подальше от родных прежнего хозяина тела было для него даже безопаснее.

Ему лишь было мерзко от жестокости этой семьи и жаль невинно погибшего юношу. Мальчика пятнадцати-шестнадцати лет, едва пережившего тяжелое наказание палками, без всякого отдыха отправляют в заброшенную усадьбу. Это же верная смерть! Даже останься прошлый Цуй Се в живых, эта дорога сгубила бы его.

Пусть окружающие не догадывались, что настоящий Цуй Се мёртв, сам он всё понимал и давал себе зарок: семья Цуй — убийцы! И тот, кто отдал приказ о битье, и те, кто плел козни за спиной... Наступит день, и он заставит их ответить за маленького Цуй Се.

Цуй Се отдал зеркало слуге и велел вернуть его владелице.

Слуга повиновался и пошёл к выходу. Однако у самой двери снаружи раздался въедливый, колкий голос:

— Пэн Янь, что ты разгуливаешь тут с зеркалом? Вещи до сих пор не собраны?! Господин перед уходом в управу велел сегодня же выпроводить старшего молодого господина на родину! Время к концу часа Дракона, а столько сундуков ещё не погружено! Ждешь, пока господин вернется и снова сорвет на вас гнев?!

Лёжа на животе, Цуй Се не мог повернуться и разглядел лишь человека в синем халате: тот стоял, поставив ногу на порог, и властно раздавал указания, словно надсмотрщик.

За дверью послышался другой голос:

— Цуй Мин, ты же сам видел, в каком состоянии старший молодой господин! Как у тебя душа не болит так его подгонять?

Цуй Мин холодно хмыкнул:

— Дядюшка Юань, ты замечаешь лишь раны старшего молодого господина, а про раны второго молодого господина забыл? Твои речи — это упрёк господину в жестокости или госпоже в немилосердии? Из уважения к твоей давней дружбе с моим отцом я сделаю вид, что ничего не слышал. Но ты вели своему Пэн Яню не слоняться попусту, а идти помогать с погрузкой. Чем

раньше отправитесь, тем всем будет спокойнее.

Под его надзором слуги забегали быстрее. Пэн Янь, отдав зеркало, тоже примкнул к погрузке. Сундуки один за другим выносили наружу. Когда с вещами почти закончили, в комнату вошли двое рослых слуг и подхватили Цуй Се, собираясь стащить его с кровати.

«Дядюшка Юань» поспешно бросился наперерез и велел принести скамью-чуньдэн. Застелив её несколькими слоями подстилок и одеял, слуги продели снизу жерди и широким шагом понесли Цуй Се на задний двор. Там стояла небольшая повозка с синим промасленным навесом. Внутри всё было завалено сундуками и узлами, ещё несколько привязали к крыше. Свободным остался лишь узкий пятачок у самой дверцы — лечь там можно было разве что свернувшись калачиком.

Цуй Юань со вздохом произнес:

— Повозка такая тесная, а дорога будет тряской! Что, если раны молодого господина снова откроются?

Цуй Мин сдержанно ухмыльнулся:

— Старший молодой господин едет на родину в наказание, а не по поручению вести семейные дела. Какую ещё повозку вы ждали? В нашем доме их всего ничего: господину нужно принимать гостей, второму молодому господину — вызывать лекаря, а госпоже требуется отправлять слуг по делам... Разве можно хоть одну освободить? По мыслям господина, вам вообще надлежало нанять повозку на стороне, но госпожа пожалела раненого старшего молодого господина и выделила эту. Дядюшка Юань, по возвращении на родину получше вразумляй старшего молодого господина. Если впредь он станет благоразумнее, глядишь, госпожа и уговорит господина вернуть его обратно.

Порог внешнего двора уже разобрали, и дюжие слуги выкатили повозку. Цуй Юань не стал спорить, выбежал во двор, уселся на место кучера и велел сыну:

— Ступай следом за повозкой и внимательно смотри за старшим молодым господином, чтобы он не потревожил раны.

Пэн Янь покорно пошёл следом, время от времени приподнимая занавеску и заглядывая к Цуй Се. Цуй Се, выросший в современном обществе, не мог спокойно видеть, как подросток тащится пешком за повозкой. Когда тот снова приподнял полог, он схватил занавеску и твёрдо произнёс:

— Иди сядь спереди. Потребуешься — я позову. А будешь каждую минуту заглядывать, я и сам не успокоюсь.

Лишь после нескольких повторений Пэн Янь перебрался вперед и уселся рядом с отцом.

Едва повозка немного отъехала, ворота двора с грохотом захлопнулись изнутри...

Погода стояла знойная, а в тесном кузове было душно — оба маленьких окошка загораживали сундуки. Опасаясь, как бы раны юного хозяина не загноились, Цуй Юань отъехал от усадьбы семьи Цуй совсем недалеко, остановил повозку и подошёл сзади, чтобы осмотреть раны.

На улице былолюдно, многие проезжали мимо на лошадях и с любопытством заглядывали внутрь. Цуй Се намертво вцепился в пояс и непреклонно заявил:

— Я сам знаю своё состояние. Лекарство приложили, оно остужает, всё в порядке. А смотреть на дороге бессмысленно — только пыль поднимем, рана загрязнится и воспалится. Доберёмся до места, и я сам всё сменю.

Цуй Юань беспомощно вздохнул:

— Другие при ранениях и горсть мелкой земли на рану присыпают, чтобы кровь остановить, так что от пыли худо не будет! Раз молодой господин не хочет показываться — ладно, выедем из столицы, отыщем чистый постоялый двор и вызовем лекаря.

Он потрогал лоб Цуй Се, ощутил, что тот довольно горячий, вздохнул и вернулся вперед править повозкой.

<http://bllate.org/book/18372/1761232>